

Р О М А Н Ы

РОБЕРТА СОЙЕРА

Оппенгеймер. Альтернатива

Квантовая ночь

Блюз Красной планеты

Мнемоскан

Старплекс

НЕАНДЕРТАЛЬСКИЙ ПАРАЛЛАКС

Гоминиды

Люди

Гибриды

Robert J. Sawyer

NEANDERTHAL PARALLAX 2

H U M A N S

Роберт Сойер

НЕАНДЕРТАЛЬСКИЙ ПАРАЛЛАКС

Л Ю Д И

FAN|ZON

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44
С58

Robert J. Sawyer
HUMANS
(Neanderthal Parallax 2)

Copyright © 2003 by Robert J. Sawyer

Перевод *В. Слободяна*

Дизайн *Е. Куликовой*

Сойер, Роберт.

С58 Неандертальский параллакс. Люди / Роберт Сойер ; [перевод с английского В. Слободяна]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-200264-9

Неандертальский физик Понтер Боддет возвращается в наш мир и продолжает свои отношения с генетиком Мэри Воган. А тем временем начинается культурный обмен между двумя Землями и двумя цивилизациями — человеческой и неандертальской.

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

© В. Слободян, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-200264-9

*Посвящается
Марку Асквиту
Властелину множественных вселенных*

Если б это было так просто! — что где-то есть чёрные люди, злокозненно творящие чёрные дела, и надо только отличить их от остальных и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца?..

Александр Солженицын

Пролог

— Я совершил ужасную вещь, — сказал Понтер Боддет, сидя верхом на седлокресле в кабинете Жуярда Селгана.

Селган принадлежал к поколению 144, на десять лет старше Понтера. Его волосы были умудрённо седые, а пробор раздался вишьрь и превратился в реку лысины, впадающую в озеро покатога лба над надбровным валиком.

— Продолжайте.

— Мне казалось, что у меня нет выбора, — сказал Понтер, глядя в пол. Его собственный надбровный валик отгораживал его от взгляда изумрудных глаз Селгана. — Мне казалось, что я должен был это сделать, но...

— Но сейчас вы сожалеете об этом?

Понтер молчал, упершись взглядом в устланный мхом пол кабинета.

— Вы сожалеете о содеянном?

— Я... я не уверен.

— Вы сделали бы это снова, доведись вам снова пережить тот момент?

Понтер коротко хохотнул.

— Что смешного? — спросил Селган. В его голосе было скорее любопытство, чем раздражение.

Понтер посмотрел на него:

— Я думал, только мы, физики, устраиваем мысленные эксперименты.

Селган усмехнулся:

— Мы с вами не так уж сильно различаемся. Оба пытаемся найти истину и разрешить загадку.

— *Надо полагать,* — согласился Понтер. Теперь он смотрел на гладкую, плавно закругляющуюся деревянную стену цилиндрического помещения.

— *Вы не ответили на вопрос,* — напомнил Селган. — *Сделали бы вы это снова, будь такое возможно?*

Понтер какое-то время молчал, и Селган его не торопил, давая обдумать ответ. Наконец Понтер промолвил:

— *Я не знаю.*

— *Не знаете? Или просто не хотите сказать?*

И снова Понтер не ответил.

— *Я хочу вам помочь.* — Селган поёрзал на своём седлокресле. — *Такова моя цель. Я не собираюсь вас судить.*

Понтер снова засмеялся, но в этот раз его смех прозвучал удручённо.

— *В этом-то всё и дело, так ведь? Никто нас не судит.*

Селган нахмурился:

— *Что вы хотите сказать?*

— *Я хочу сказать, что в другом мире — на той, другой Земле — люди верят, что существует... у нас нет для этой концепции слова, но они называют это Бог. Бесплотное высшее существо, которое создало вселенную.*

Селган покачал головой:

— *Как у вселенной может быть создатель? Чтобы что-то было создано, оно должно иметь начало. Но у вселенной нет начала. Она существовала всегда.*

— *Вы знаете это,* — сказал Понтер. — *Я знаю это. Но они этого не знают. Они считают, что их вселенной всего... они говорили про двенадцать миллиардов лет; полтораста миллиардов месяцев.*

— *Что же существовало до этого момента?*

Понтер нахмурился, припоминая свои разговоры с глексенской женщиной-физиком Лу Бенуа — как бы ему хотелось уметь правильно произносить их имена!

— *Они говорят, что до этого не было времени, что время началось лишь с появлением вселенной.*

— *Какая удивительная идея,* — сказал Селган.

Неандертальский параллак. Люди

— *Согласен, — кивнул Понтер. — Однако если бы они признали, что вселенная существовала всегда, то в ней не нашлось бы места для этого их Бога.*

— *Ваш партнёр тоже физик, не так ли? — спросил Селган.*

— *Да, — сказал Понтер. — Адекор Халд.*

— *Так вот, я уверен, что вы часто разговариваете с Адекором о физике. Меня же больше интересуют другие вещи. Вы упомянули этого... этого Бога в связи с концепцией правосудия. Расскажите мне об этом подробнее.*

Понтер помолчал пару мгновений, пытаясь сообразить, как лучше описать эту теорию.

— *Похоже, что большая часть тех, других людей верит в так называемую «загробную жизнь» — в существование, которое следует за смертью.*

— *Но ведь это смешно, — сказал Селган. — Это терминологическое противоречие.*

— *О да, — согласился Понтер, улыбаясь. — Но это особенность их мышления — настолько распространённая, что они даже выдумали для неё специальное слово, словно, дав ему название, они разрешают парадокс. Я не могу произнести это в точности, как они, но звучит это похоже на «о-ксю-мор-он».*

Селган улыбнулся:

— *Хотел бы я, чтобы кто-нибудь из них попал ко мне — было бы интересно узнать, как функционирует такой разум. — Он помолчал. — Существование, которое следует за смертью: на что, по их мнению, оно похоже?*

— *Это самое интересное, — сказал Понтер. — Оно может принимать одну из двух форм, в зависимости от того, как вы вели себя, пока были живы. Если вы прожили хорошую, добродетельную жизнь, то будете вознаграждены чрезвычайно приятным посмертным существованием. Но если при жизни вы вели себя плохо или просто совершили какой-нибудь особенно злой поступок, то последующее существование будет состоять из сплошных мучений.*

— *И кто выносит решение? — спросил Селган. — О, погодите, кажется догадываюсь. Это решает Бог, так ведь?*

— *Именно. По крайней мере, они в это верят.*

— Но почему? Почему они верят в нечто настолько нелепое?

Понтер слегка пожал плечами:

— На основании исторических свидетельств, оставленных людьми, якобы общавшихся с Богом.

— Исторических свидетельств? — удивился Селган. — А сейчас кто-нибудь общается с этим Богом?

— Некоторые утверждают, что общаются. Но я так понял, что это ничем не подтверждается.

— И этот Бог, он что, является арбитром для каждого человека?

— Предполагается, что да.

— Но в мире 185 миллионов человек; многие тысячи умирают ежедневно.

— Это у нас. В их мире живёт больше шести миллиардов человек.

— Шести миллиардов! — Селган покачал головой. — И каждый каким-то образом будет после смерти помещён в одно из двух мест, которые вы упомянули?

— Да. После суда.

Понтер увидел, как у Селгана поменялось выражение лица. Детали глексенских верований явно заинтриговали скульптора личности, но его основным интересом были мысли самого Понтера.

— «После суда», — повторил он, словно это слово было мясом, вкусом которого стоило как следует насладиться.

— Именно, суда, — сказал Понтер. — Вы не понимаете? У них нет имплантов-компаньонов. У них нет архивов алиби. Они не ведут подробную запись всех своих действий на протяжении всей жизни. У них ничего этого нет, потому что они верят, что им ничего этого не нужно. Они считают, что Бог смотрит на них и видит всё — и даже присматривает за ними, оберегает. И они верят, что какое-то злое деяние в конечном итоге не может сойти никому с рук.

— Но вы сказали, что совершили нечто ужасное.

Понтер смотрел в окно на свой мир.

— Да.

— Там? В том, другом мире?

Неандертальский параллакс. Люди

— Да.

— Но вы не разделяете веру в этого их Бога.

Понтер фыркнул:

— Конечно нет!

— И вы считаете, что вас никогда не будут судить за плохой поступок, который вы совершили?

— Именно. Не сказать чтобы это было идеальное преступление. Но в том мире ни у кого нет никаких оснований подозревать меня, а здесь ни у кого не может быть причин потребовать просмотра именно этой части моего архива алиби.

— Вы назвали это преступлением. Было это деяние преступным по меркам того, другого мира, в котором вы находились?

— О да.

— А мы посчитали бы это преступлением, соверши вы его здесь?

Понтер кивнул.

— Что вы сделали?

— Я... мне стыдно об этом рассказывать.

— Я ведь сказал, что не собираюсь вас судить.

Понтер неожиданно для себя вскочил на ноги.

— В этом-то всё и дело! — воскликнул он. — Никто не будет меня судить — ни здесь, ни там. Я совершил преступление. Я получил удовольствие, совершая его. И да — завершим ваш мысленный эксперимент, — да, я сделал бы это ещё раз, доведись мне пережить тот момент снова.

Какое-то время Селган молчал, по-видимому ожидая, пока Понтер успокоится.

— Понтер, я могу помочь вам, если вы мне это позволите, — сказал он. — Но вы должны говорить со мной. Вы должны рассказать мне, что произошло. Почему вы совершили это преступление? Что к нему привело?

Понтер снова сел, перебросив ноги через седлокресло.

— Я начну с моего первого посещения другой Земли, — сказал он. — Тогда я познакомился с женщиной по имени Мэре Воган...

Глава 1

ЭТО БЫЛ ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР МЭРИ В САДБЕРИ, И ОНА ИСПЫТЫВАЛА неоднозначные чувства.

Она не сомневалась, что отъезд из Торонто пошёл ей на пользу. После того, что там произошло — «*Боже мой, — подумала она, — неужели всего две недели назад?*», — покинуть город, вырваться из окружения, которое постоянно напоминало ей о том ужасном вечере, было, несомненно, правильным решением. И хотя завершилось всё на немного грустной ноте, она бы ни на что не променяла те дни, которые провела с Понтером Боддетом.

Её воспоминания об этом времени были словно подёрнуты флёротом: уж слишком фантастичными они казались. Однако бесчисленные фотографии, телерепортажи и даже рентгеновские снимки убеждали — всё это случилось на самом деле. Современный неандерталец из параллельной версии Земли каким-то образом проскользнул в нашу вселенную. Теперь, когда он отправился обратно, Мэри уже и сама с трудом в это верила.

Но это *было*. Понтер на самом деле был здесь, и она действительно в него...

Не преувеличивает ли она? Не делает ли из мухи слона?

Нет. Нет, именно это и произошло.

Она влюбилась в Понтера, и, возможно, он тоже полюбил её.

Если бы только она была цельной, полноценной, не надломленной психологической травмой личностью, всё могло бы пойти по-другому. О, она бы всё равно не устояла перед

Неандертальский параллакс. Люди

добродушным великаном — но тем вечером, когда они смотрели на звёзды, когда он потянулся и взял её за руку, она бы не замерла от его прикосновения.

Это было слишком рано, сказала она ему на следующий день. Слишком мало времени прошло после...

Она ненавидела это слово; ненавидела произносить его, даже в мыслях.

Слишком мало времени прошло после изнасилования.

А ещё через день она возвращалась домой, туда, где произошло это гнусное преступление, — в кампус Йоркского университета в Торонто, к её прежней жизни преподавателя генетики.

К её прежней одинокой жизни.

Она будет скучать по многому, что осталось в Садбери. Например, по отсутствию пробок. Она будет скучать по друзьям, с которыми познакомилась здесь — Рубену Монтего и даже по Луизе Бенау. Будет скучать по расслабленной атмосфере Лаврентийского университета, где она провела исследование митохондриальной ДНК, доказавшее, что Понтер Боддет на самом деле неандерталец.

Но больше всего, осознала она, стоя на обочине сельской дороги и глядя в безоблачное ночное небо, ей будет не хватать *вот этого*. Вида бескрайних звёздных россыпей. Вида Туманности Андромеды, которую показал ей Понтер. Вида изгибающегося над головой Млечного Пути.

А ещё...

Да!

Да!

Особенно она будет скучать вот по этому — по виду северного сияния, мерцающего и волнующегося по всему небу: бледно-зелёные полотнища, призрачные занавеси.

Мэри и правда надеялась в тот вечер снова увидеть северное сияние. Она возвращалась из дома Монтего в городке Лайвли (ха-ха!), с прощального барбекю с Рубеном и Луизой, и съехала на обочину специально, чтобы ещё раз полюбоваться ночным небом.

И небеса пошли навстречу. Зрелище захватывало дух.

Теперь северное сияние будет всегда ассоциироваться у неё с Понтером. Она была с ним, когда увидела это впервые. Она почувствовала странное ощущение в груди, будто распирающий её священный трепет, вызванный разворачивающимся на небе действием, начал ослаблять сдавливающую её печаль.

Северное сияние было прекрасно.

А его не было.

Небесные огни мерцали и переливались, их холодный зелёный свет заливал окрестности, очерчивая силуэты берёз и осин, ветви которых слегка колыхались под мягким августовским ветерком.

Понтер говорил, что он часто видит северное сияние. Отчасти из-за того, что приспособленные к холоду неандертальцы предпочитают селиться в более высоких широтах, чем люди этой Земли.

Отчасти — из-за того, что благодаря феноменально острому нюху неандертальцев и вечно бдящим имплантам-компаньонам в его мире безопасно даже ночью; в родном городе Понтера Салдаке, расположенном на том же месте, где на этой Земле был Садбери, не было уличного освещения.

А третья причина была в том, что неандертальцы большую часть своих энергетических потребностей удовлетворяют чистой солнечной энергией, благодаря чему небеса в их мире гораздо прозрачнее.

Мэри дождалась до тридцати восьми лет, ни разу в жизни не увидев северного сияния. Вряд ли она вернётся в Северное Онтарио в обозримом будущем, так что сегодня, возможно, у неё был последний шанс насладиться волнующим морем небесных огней.

И она упивалась этим зрелищем.

Понтер говорил, что некоторые вещи одинаковы на обеих версиях Земли: крупные детали географии, большинство видов растений и животных (хотя в мире неандертальцев, никогда не убивавших больше, чем требуется для пропитания, до сих пор жили мамонты и моа), общее устройство климата.

Но Мэри — учёный: она разбиралась в теории хаоса, знала, как взмах крыльев бабочки может изменить погоду на другом конце света. Разумеется, из того, что небо чисто и безоблачно на этой Земле, никак не следовало, что то же самое верно для мира Понтера.

Однако если погодные условия всё-таки совпали, то, возможно, Понтер сегодня тоже смотрит на ночное небо.

И возможно, думает о Мэри.

Понтер, разумеется, увидит те же самые созвездия, пусть и называет он их по-другому; ничто, происходящее на Земле, не в силах изменить пути далёких звёзд. Но будет ли северное сияние таким же? Имеют бабочки или люди какое-либо влияние на хореографию небесных огней? Возможно, они с Понтером смотрят на одну и ту же картину — развевающиеся световые полотнища и протянувшиеся поперёк них семь звёзд Большой Медведицы (или, как он их называет, Головы Мамонта).

Да, он запросто может сейчас смотреть на те же переливы света, что и она, на вот эту волну, что пошла налево, на тот же...

О Господи!

У Мэри отвисла челюсть от удивления.

Световой занавес расходился посередине, словно лист акваринной папиросной бумаги, который разрывают гигантские невидимые руки. Разрыв удлинился и расширился, начавшись в зените и уходя к горизонту. Мэри не видела ничего подобного в тот, первый раз, когда смотрела на северное сияние.

В конце концов полотнище разделилось надвое, словно Красное море перед Моисеем. Какие-то искры — хотя вряд ли это были именно они — заполняли пространство между половинками. А потом правая половина словно бы вернулась вверх, как штора на окне поезда, по мере подъёма меняя цвет — зелёный, синий, фиолетовый, оранжевый, бирюзовый...

Небо вспыхнуло всеми цветами радуги, и вся правая сторона северного сияния пропала.